

В ар д ван В ар жа пе т я н

ДОКТОР ГАЗ

Alauda

Alauda

Вардван Варжапетян

Доктор Гааз

«Издательство Францисканцев»

2018

Варжапетян В.

Доктор Гааз / В. Варжапетян — «Издательство Францисканцев»,
2018 — (Alauda)

ISBN 978-5-89208-140-5

Книга автора многих биографических повествований Вардвана Варжапетяна (род. в 1941 г.) «Доктор Гааз» посвящена великому гуманисту XIX века Фёдору Петровичу (Фридриху) Гаазу, своим милосердием, бескорыстием и сомоотверженностью заслужившего в России прижизненную славу «святого доктора».

ISBN 978-5-89208-140-5

© Варжапетян В., 2018

© Издательство Францисканцев, 2018

Содержание

От издателя	6
Свидетельство о Фёдоре Петровиче	7
«Спешите делать добро»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вардван Варжапетян Доктор Гааз

Редактор: *Игорь Баранов*

Дизайн: *Иван Сердюков*

© Вардван Варжапетян, текст, примечания, 2018

© НО Издательство Францисканцев, 2018

Централизованная религиозная организация Католический Орден Францисканцев в Рос-
сии

От издателя

Книга Вардвана Варжапетяна «*Доктор Гааз*» продолжает издательскую серию, публикующую жизнеописания выдающихся католических подвижников. Хотя Фёдор Петрович (Фридрих-Йозеф) Гааз еще не провозглашен святым или блаженным (ныне идет процесс его беатификации), он уже при жизни заслужил в России славу «святого доктора». Для многих, в том числе для Ф.М. Достоевского, он был безусловным нравственным авторитетом и образцом самоотверженного христианского служения ближним.

Название этой серии – «Alauda» – в переводе с латыни означает «Жаворонок». Образ этой птицы был очень близок святому Франциску Ассизскому, который говорил, что жаворонок – это «смирненная птица, потому что готова ходить по земле, чтобы найти зернышки», а летая, она славит Господа столь же прекрасно, как и «пренебрегающие земными благами монахи, общение которых происходит на небесах». Серое оперение жаворонка для святого Франциска также было символом христианского смирения, а небольшой хохолок на голове – подобием монашеского капюшона. Согласно преданию, жаворонки своим пением прощались с умирающим Франциском – вопреки обыкновению, они запели вечером, словно благодаря святого за его особенную любовь к ним.

Слыша пение жаворонка в небе, человек обращает свой взор ввысь – но видит там не маленькую птичку, а сияние солнца. Поэтому для нас образ жаворонка – это в целом символ святости, духовной высоты при внешней невзрачности, стремления к небесам, к солнцу для воспевания всей своей жизнью славы Творцу.

Свидетельство о Фёдоре Петровиче (вместо предисловия)

Фёдора Петровича Гааза (1780–1853), четверть века бывшего главным врачом московских тюрем, вся каторжная Россия считала своим заступником, «святым доктором». Общеизвестны его крылатые слова: «Спешите делать добро». Я написал о нём повесть «Тринадцатая страсть», вышедшую в издательстве «Современник» в 1988 году. Много связано в моей жизни с именем доктора Гааза. Даже чудо...

В августе 2003 года «скорая» привезла меня с тяжёлой черепно-мозговой травмой в Первую Градскую больницу. Сразу – на операционный стол.

Очнулся я дней через шесть, уже в палате. Каждую ночь, ближе к рассвету – мучительные, жестокие приступы: меня выкручивало всего, как бельё после стирки, а я не мог говорить, даже мычать. Тогда я взмолился: «Господи, помилуй! Не оставь меня, помоги мне!»

И вот наступает новая ночь... А я обычно чувствовал приближение приступа, вот и в эту ночь ощущаю – близко уже. Но ещё я чувствую, что в палате (в которой было, помимо меня, пять страдальцев) присутствуют трое: Фёдор Петрович Гааз; цадик реб Зуся¹; а третий – Господь. Три некие сущности, нечто единое и благое, дивный «консилиум», который в эти минуты решает мою судьбу. И приступ, уже подступивший близко, неожиданно медлит приблизиться, а в душе я ощущаю великое ликование, словно мне в сердце, как в чашу, льют пенящееся шампанское, сердце уже полно, а в него всё льют... И слышу голос: «Не бойся, всё будет хорошо». А я им – Господу, Фёдору, Зусе: «Теперь не боюсь, не беспокойтесь. Со мной ничего не случится. Только вы не волнуйтесь». Это уже я их успокаиваю.

На следующую ночь (точно, как по часам, в три тридцать) приступ проявил себя совсем слабо. На третью ночь не было даже намёка на него. И всю неделю, каждую ночь, я чувствовал в палате присутствие моего «небесного консилиума», дивного триединства.

Я сомневался, сказать ли врачам? Сопалатники отговаривали: «Дурак, тебя ещё в психушку засадят!» Но я всё-таки рассказал об этом опытнейшему нейрохирургу Ребенко, оперировавшему меня.

– Вардван, вас положили на операционный стол как раз в три тридцать. Приступы, о которых вы говорите, – это мозаичная конвульсия. Не всякий нейрохирург видел такое. Представьте: лицо человека составлено из сотен кусочков и каждый из них искажает собственная конвульсия. Страшное зрелище! Какая-то сатанинская маска. А ваше видение... не знаю... Одно могу сказать: ваше восстановление идёт поразительно быстро. В вашей палате есть больные с травмами, менее тяжкими, чем ваша (честно скажу: с такой степенью разрушения черепа даже слон бы, наверное, умер на месте), а последствия у них куда тяжелее – речь, память, движения...

Моя повторная томограмма показала, что кровоизлияние, отчётливо видное на первых снимках, бесследно исчезло.

Вот и судите сами: встреча это была или не встреча?

Вардван Варжапетян

¹ В иудаизме цадик – праведник; ребе – духовный наставник. Цадик реб Зуся умер в 1800 г.; ему принадлежат слова: «В том мире никто не спросит меня: “Почему ты не был Моисеем?” Спросят другое: “Почему ты не был Зусей?”». – *Здесь и далее прим. автора.*

«Спешите делать добро»

«Спешите делать добро» – это слова из «Обращения к женщинам», духовного завещания доктора Фёдора Петровича Гааза (1780–1853), написанного им в конце жизни – достаточно долгой, чтобы множество раз показать прочность ее нравственного основания. Они же, эти слова, обрамленные лавровым венком, запечатлены на памятнике Гаазу во дворе основанной им Полицейской больницы; здесь, на втором этаже, в своей маленькой квартирке, Фёдор Петрович и умер, оплакиваемый людьми по всей России.

1

... В ту августовскую ночь 1853 года в маленькой квартирке доктора Гааза на втором этаже Полицейской больницы побывало множество людей; поднявшись по чугунной лестнице, они молча толпились в гостиной и проходили в кабинет, прощаясь с человеком, которого чтит вся Россия. Шли полицейские чины и каторжники, купцы, чиновники Московского тюремного комитета и врачи Полицейской больницы, митрополит Филарет, ходатай по делам арестантов писатель Николай Павлов, губернский стряпчий Илья Арсеньев, философ Пётр Чаадаев, которому Гааз завещал издать свои труды «Обращение к женщинам» и «Проблемы Сократа» (первый из них был вскоре издан, второй затерялся и до сих пор не найден).

Простившись с Гаазом, известный публицист Иван Киреевский записал в своем дневнике: «Был у Гааза. Он умирает. Мы видели его в том положении, в каком он находится уже трое суток: облокотивши голову на руки, сложенные крестом на столе. Ни жалобы, ни вздоха, ни даже дыхания малейшего. Видно, однако же, по положению тела, что он жив и не спит. Недвижимость душевного спокойствия, несокрушимого даже страданиями смерти. Удивительно много было у этого человека прекрасного, скажу даже, великого в его безоглядном человеколюбии, несокрушимом спокойствии. Это спокойствие могло происходить только от крайней, отважной решимости исполнять свой долг во что бы то ни стало».

Тяжко страдая, Фёдор Петрович не жаловался и ни о чем не просил и только однажды, незадолго до последнего вздоха, признался давнему другу профессору Полю, неотлучно бывшему с ним: «Я не думал, чтобы человек мог вынести столько страданий». Видимо, в ту минуту ему было особенно тяжело, ведь он лучше, чем кто-либо другой, видел всю бездну страданий, выпадающих на долю человека: и на войне 1812 года, когда в составе русской армии прошел путь от Москвы до Парижа, и в больницах, и в тюрьмах. За четверть века службы в Тюремном комитете, кажется, вся ссыльная Россия прошла перед ним, звеня кандалами, провожаемая им до Рогожской заставы, где начиналась Владимирка.

Тюрьма, тюремные больницы, пересылки, этапы – изо дня в день шел Гааз, словно добровольно заключив себя в узилище. Но, ежедневно наблюдая человеческое горе, не уставая сострадать ему, он бывал и счастлив. Со слов самого Фёдора Петровича точно известно, что он самыми счастливыми считал два события в своей жизни: день замены «прута»² облегченными кандалами и день открытия Полицейской больницы для бродяг и нищих (эту больницу все называли «Гаазовской», а облегченные кандалы, обшитые внутри гаек сукном – «гаазовскими»).

Нескончаемо тянулась ночь. Раньше старый доктор любил в полночные часы наблюдать в медную телескопическую трубу сияющую россыпь звезд, но сейчас из-за боли не мог поднять

² Название железного стержня метровой длины, к которому прикреплялись наручниками 8-10 арестантов. Этот «прут» на многие месяцы следования ссыльных в Сибирь соединял людей, различных по росту, здоровью, силам, причиняя нестерпимые страдания.

голову и взгляд его упирался в висевший на спинке стула потертый фрак с Владимирским крестом в петлице. Этот орден – редкостный среди иностранцев – Фёдор Петрович заслужил еще в 1808 году за успехи и бескорыстие при лечении глазных болезней (двадцатилетний Гааз, ученик венского офтальмолога Шмидта, приехал в Россию в 1806 году по приглашению княгини В.А. Репниной-Волконской). Он очень дорожил наградой. Крест ев. Владимира 4-й степени давал право на потомственное дворянство, но Гааз так и не обзавелся семьей, и орден был ему дорог особенно своим созвучием с Владимиркой – главной кандалной дорогой России.

2

Максим Горький был убежден, что «о Гаазе нужно читать всюду, о нем всем нужно знать, ибо это более святой, чем Феодосий Черниговский».

Это высказывание принадлежит писателю, вложившему в свое время в уста Сатина красивые слова о Человеке. Из-за частого повторения хрестоматийного монолога кое-кто мог уверовать, будто гордость за человека полностью отменяет жалость к нему. Сам Горький думал иначе: ведь сердцевину жизни Гааза составляют сострадание и милосердие. Жалость – одно из величайших человеческих чувств, может быть, даже самое человеческое. Противопоставляют жалости безжалостность (то есть жестокость) и равнодушие.

Слова Горького о Гаазе адресованы юристу А.Ф. Кони – автору вышедшего в 1896 году прекрасного очерка о Фёдоре Петровиче. В значительной степени благодаря его книге имя и деятельность «святого доктора» были спасены от забвения.

Выдающийся юрист проявлял постоянный интерес к тем личностям, чья жизнь могла служить нравственным примером. Будучи судьей и прокурором, Кони ясно сознавал, что идеальных людей нет, но есть люди, наиболее ярко и последовательно воплощающие идеалы каждого из нас и всего общества в целом, как бы эталоны общественной морали. Особенно высоко он ставил людей, открывших перед ним «красоту человеческой совести», и среди них прежде всего Льва Николаевича Толстого и Фёдора Петровича Гааза. Причем в благоговении перед великим писателем и скромным доктором можно заметить отличие, некий психологический нюанс: в минуту трудных решений, когда так легко примирить поступок с обстоятельствами, оправдать компромисс услужливыми прецедентами, тревожным колоколом в душе звучало: «А что скажет на это Лев Николаевич? А как он к этому отнесется?» – тут на первый план выступало мнение Толстого.

Думая же о Гаазе, соизмеряя свою жизнь с его, Кони, безусловно, вопрошал себя: «А как поступил бы в таком случае Фёдор Петрович?» – тут важен был пример, ибо вся жизнь Гааза была непрерывным добротворчеством.

Ф.П. Гааза А.Ф. Кони были современниками. Но временная связь тут чисто формальная: когда умер старый доктор, будущему юристу и сенатору едва исполнилось девять лет. Однако искренность, которой дышит его книга, не вызывает сомнений в том, что автор кроме архивных материалов использовал свидетельства людей, близко знавших Гааза. Думаю, не обошлось и без семейных преданий. В 1820-х в Москве имелся единственный оптический магазин, принадлежал он деду А.Ф. Кони – Алексею Кони. Многие московские врачи были постоянными посетителями магазина, где, наряду с подзорной трубой и микроскопом, можно было приобрести лорнет или очки. Гааз, будучи одним из первых окулистов отставной столицы, нередко заходил со своими пациентами в оптический магазин Алексея Кони на Кузнецком мосту. Здесь же, на углу Кузнецкого и Рождественки, много лет и жил Фёдор Петрович.

А первое гласное свидетельство о Гаазе принадлежит А.И. Герцену: «Доктор Гааз был преоригиналь-ный чудака. Память об этом *юродивом* и *поврежденном* не должна заглохнуть в

лебеде официальных некрологов, описывающих добродетели первых двух классов, обнаруживающиеся не прежде тления тела.

Старый, сухощавый, восковой старичок, в черном фраке, коротеньких панталонах, в черных шелковых чулках и башмаках с пряжками, казался только что вышедшим из какой-нибудь драмы XVIII столетия. В этом *grand gala*³ похорон и свадеб и в приятном климате 59-го градуса северной широты Гааз ездил каждую неделю на этап на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльных. В качестве доктора тюремных заведений он имел доступ к ним, он ездил их осматривать и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств, грецких орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин».

Заканчивая некролог о Гаазе (эти страницы «Былого и дум» написаны в 1853 году), Герцен вспомнил эпизод о том, как однажды больной украл у доверчивого доктора столовое серебро, был пойман и приведен к Фёдору Петровичу. Послав больничного сторожа за кварталным, Гааз сказал вору:

– Ты фальшивый, ты обманул меня и хотел обокрасть, Бог тебя рассудит... а теперь беги скорее в задние ворота, пока солдаты не воротились... Да постой, может, у тебя нет ни гроша, вот полтинник; но старайся исправить свою душу – от Бога не уйдешь, как от будочника!

Тут восстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый доктор толковал свое:

– Воровство – большой порок; но я знаю полицию, я знаю, как они истязают, – будут допрашивать, будут сечь; подвергнуть ближнего розгам – гораздо больший порок; да и почему знать – может быть, поступок мой тронет его душу!

В этой зарисовке видна утрированность и портрета, и характера, и самого типа личности. Люди, коротко знавшие Гааза, могли бы оспорить сходство эскиза, сделанного пером Герцена, с оригиналом. Высокий, тучный, с крупными чертами энергичного лица, голубоглазый, со взглядом серьезным и спокойным, Фёдор Петрович менее всего походил на «воскового старичка».

Чудак из драмы XVIII века? Юродивый и поврежденный? Но какому чудаку под силу сделанное Гаазом:

1832 год – устройство тюремной больницы на Воробьевых горах;

1833 год – отмена «прута»;

1836 год – замена тяжелых кандалов «гаазовскими» – облегченными, обшитыми кожей или сукном; открытие школы для детей арестантов;

1844 год – открытие больницы при Старо-Екатерининском приюте;

1846 год – отмена поголовного обривания ссыльных;

1847–1848 годы – во время неурожая Гааз собирает И 000 рублей серебром на пропитание арестантов;

1829–1853 годы – на средства, собранные Гаазом, выкуплено 74 крепостных; в эти же годы Гааз 142 раза ходатайствует о помиловании осужденных, смягчении наказания и пересмотре дел.

Ну, а характер старого доктора? Когда на пути к добродетели возникали препятствия, не было силы, которая помешала бы Гаазу вступить в бой...

Однажды на заседании Тюремного комитета он не побоялся резко возразить митрополиту Филарету, в ответ на его фразу «Если человек подвергнут каре, значит, есть за ним вина» воскликнув:

– Да вы о Христе забыли, владыко!

Присутствующие смутились и замерли в ожидании реакции митрополита. Еще никогда и никто не дерзал так говорить с ним, находившимся в исключительно влиятельном положении.

³ Парадный костюм (*франц.*)..

Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубине Гааза. Он поник головой и замолчал, а затем встал и, сказав: «Нет, Фёдор Петрович! Когда я произнес мои поспешные слова, не я Христа позабыл – Христос меня оставил!..» – благословил всех и вышел.

Какой уж тут юродивый или чудак? Тут протопоп Аввакум приходит в сравнение, тут непреклонность Лютера: «На том стою и не могу иначе!»

Что ж, Герцен ошибся? Да, ошибся – в деталях внешних, даже в характере. Но пронизательность не изменила великому публицисту: он словно предугадал, как именно будет писаться жизнь Гааза его биографами – все они, начиная с самого замечательного, А.Ф. Кони, и заканчивая новейшими западногерманскими авторами, будут подчеркивать лишь его кротость, лучезарность, искажающие истинные масштабы личности Гааза.

Однако А.П. Чехов разглядел в сложном характере Гааза качества борца, бескомпромиссный протест против устоявшегося общественного правопорядка. В письме А.С. Суворину Антон Павлович, выстраивая ряд лучших людей, идущих впереди нации и поднимающих тревогу при виде несправедливости, ставит Золя, защитника невинно осужденного Дрейфуса, Короленко, спасшего от каторги мултанских крестьян, и доктора Гааза, чудесная жизнь которого «протекала и кончилась совершенно благополучно».

Чудесная, благополучная жизнь, по мнению Чехова, – это понятие особое, и он его разъясняет в том же письме: «... какой бы ни был приговор, Золя все-таки будет испытывать живую радость после суда, старость его будет хорошая старость, и умрет он с покойной или по крайней мере облегченной совестью».

Ф.П. Гааз должен быть счастлив, потому что первейшая основа счастья – единство поступков и совести.

Совершенно особо среди свидетельств русских писателей о Гаазе стоит мнение Л.Н. Толстого; оно выражено скупой и категорично: «Такие филантропы, как, например, доктор Гааз, о котором писал Кони, не принесли пользы человечеству». И еще: «Кони выдумал. Преувеличение, это был ограниченный человек».

Упрек в ограниченности если и применим к нашему герою, то лишь в той степени, в какой можно сказать, что Моцарт был ограничен музыкой, Рафаэль – живописью, Кант – философией.

Возможно, филантропы не принесли пользы человечеству в целом, но Гааз никогда и не ставил себе несбыточную задачу помогать всему человечеству. Мерой человечества для него всегда был живой реальный человек: Сидор Кузьмин, Лейба Кифтор, Бертоломей Гриневецкий и тысячи им подобных.

«Человек большого ума и образования, – писал о Гаазе Н.К. Михайловский, – он, однако, с течением времени пренебрег этою стороной жизни, постепенно превращаясь в одно ходячее сострадание, и лично для себя чрезвычайно просто разрешил трудную задачу филантропии: не мудрствуя лукаво, он помогал ближнему в буквальном смысле этого слова – тому, кто пространственнее ближе, тому, с кем столкнула судьба. Надо сказать, однако, что судьба столкнула его с людьми, нарочито несчастными и нуждавшимися в помощи, – с обитателями тюрем».

3

Именно на таких подвижниках добра и стоит земля, считал Ф.М. Достоевский. Личность Гааза не могла не заинтересовать Фёдора Михайловича. Единственный из великих русских писателей – каторжанин, кандалник, он не мог не задуматься о человеке, которого боготворила вся каторжная Россия. Из Мертвого дома он пишет брату Михаилу: «Брат, на земле очень много благородных людей!» И может, первым в числе их встал для Достоевского Фёдор Петрович Гааз.

Мнение Достоевского о тюремном докторе, по-видимому, сложилось не только на основании рассказов обитателей Мертвого дома. Хотя прямых доказательств их личных встреч у нас нет, но можно установить, что жизненные пути Гааза и Достоевского пересекались.

Прежде всего следует вспомнить, что отец писателя был врачом. Михаил Андреевич Достоевский всего на девять лет моложе Фёдора Петровича Гааза. Эта разница в годах вряд ли препятствовала возможному общению коллег, особенно в ту пору, когда Достоевский работал в Мариинской больнице: он определился в нее в 1821 году на вакансию ординатора уже в зрелом возрасте, имея за плечами службу в славном Бородинском полку и в Московском военном госпитале. В Мариинской больнице Михаил Андреевич проработал до 1837 года, то есть более полутора десятилетий самого активного периода жизни.

Больница на Божедомке (ныне улица Достоевского), получившая наименование Мариинской в связи с тем, что в ее учреждении принимала участие императрица Мария Фёдоровна, построена в 1806 году. Это была особая больница, и предназначалась она специально для лечения бедного люда. Среди консультантов, приглашаемых, согласно уставу, «из посторонних для больницы знаменитейших специалистов», весьма вероятно, был и Гааз – лучший в то время московский офтальмолог.

В небольшой казенной квартире при Мариинской больнице родился в 1821 году будущий писатель. Здесь прожил первые тринадцать лет.

Федя Достоевский, игравший с братьями в больничном саду, неоднократно мог наблюдать, как отворялись чугунные ворота и мимо белокаменных стерегущих львов проезжала карета, запряженная четверкой белых лошадей цугом. Карета останавливалась у широкой лестницы, вбегающей невысокими ступенями к восьми массивным колоннам портика, и из нее выходил солидный господин с густыми волосами, собранными сзади в косу с черным шелковым бантом, в черных же чулках, панталонах до колен и камзоле с кружевным жабо. Встречные низко кланялись господину доктору, привратник, отставной инвалид, распахивал перед ним тяжелую парадную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.